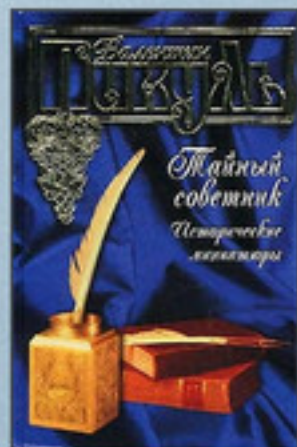

Валентин Пикуль

Ртутный король России

*Часть сборника
Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Тайный советник

Валентин Пикуль

Ртутный король России

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Ртутный король России / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Тайный советник)

«...Были у нас разные короли – чайные Боткины, железочугунные Мальцевы, мануфактурные Морозовы, игольные Гиршманы, булочные Филипповы, стекольные Бахметевы, сахарные Бродские, фарфоровые Кузнецовы, гастрономические Елисеевы и прочие. А наш герой всколыхнул в сонных недрах земли тяжкие и ленивые облака ртути – вредной и всем нам очень нужной...»

Валентин Пикуль

Ртутный король России

В 1868 году научный мир Европы испытал нервное потрясение: в знаменитой лейпцигской фирме братьев Брокгаузов случился пожар, истребивший немало трудов ученых, уже готовых для типографского набора. Тогда же в поезде, идущем в Берлин, франтоватый молодой господин с элегантною бородкой встретил горько плакавшего старика. Успокоившись, тот сказал, что его слезы всегда можно понять, а тем более простить их:

– Заодно уже представлюсь – берлинский профессор Ценкер, двадцать лет жизни посвятивший составлению арабо-немецкого лексикона, который фирма Брокгаузов превратила в пепел.

– Представлюсь и я, – сказал франт, раскуривая сигару. – Александр Ауэрбах, горный инженер. Только что выбрался из рудников Плауэнской долины, где взорвались гремучие газы, убившие в штреках сразу триста шахтеров... Герр Ценкер, после этого несчастья у Брокгаузов что вы намерены предпринять?

– Судя по всему, вы тоже из немцев, а потому знаете, как мы, немцы, упрямы. Я вернусь в Берлин и стану составлять лексикон заново, чтобы угробить еще двадцать лет жизни.

Ауэрбах, как бы выражая сочувствие профессору, выдержал паузу, отвечая затем, что он себя немцем не считает:

– Я сын врача из города Кашина и тверской дворянин. А вы – мой коллега по несчастью! Я составил таблицы микроскопического определения минералов, весьма горячо одобренные Горной академией Фрейберга, и вот... эти мои таблицы сгорели в одном пламени вместе с вашим арабо-немецким лексиконом.

– Ужас! – воскликнул Ценкер. – Наверное, вы, как и я, намерены восстановить сгоревшее? Сколько вам потребуется лет?

– Не лет, а недель, – усмехнулся Ауэрбах. – Но я, профессор, слишком берегу свое время, и здесь невольно проявляется моя широкая русская натура: я решил плюнуть на эти таблицы, чтобы заняться практической работой на благо России...

Бедный Ценкер! Он так и умер, не успев воскресить свой лексикон, а инженер Ауэрбах, исходя из гениального российского принципа «плевать на все!», сразу забыл о своих таблицах и укатил домой, чтобы со временем сделаться в обожаемой им России не кем-нибудь, а – «ртутным королем».

Да, читатель, были у нас разные короли – чайные Боткины, железочугунные Мальцевы, мануфактурные Морозовы, игольные Гиршманы, булочные Филипповы, стекольные Бахметевы, сахарные Бродские, фарфоровые Кузнецовы, гастрономические Елисеевы и прочие. А наш герой всколыхнул в сонных недрах земли тяжкие и ленивые облака ртути – вредной и всем нам очень нужной.

– Да что там ртуть! – говорил Ауэрбах под старость. – Вы бы посмотрели, за что я смолоду не брался? Если бы у нас в Неве крокодилы водились, я бы наверняка устроил на них охоту, чтобы выделывать прекрасные дамские сумки...

Дедушка владел фаянсовой фабрикой в деревне Кузнецова, папа был доктором, а мама – дочь полковника Берггольца (из саратовских дворян). Детей тогда не баловали, на шее родителей они не засиживались. Саше Ауэрбаху не было и двенадцати лет, когда его спровадили в Горный корпус, и не было ему двадцати, когда выпустили из Корпуса в чине поручика. Казна сразу отсчитала ему 21 000 рублей, его послали бурить у Царева кургана на Волге, чтобы попытаться – есть ли там уголь? При этом поручик истратил лишь 16 000 рублей, награжденный за экономию орденом св. Станислава. Горный корпус стал тогда просто институтом, военные

чины отменили, Ауэрбах превратился в титулярного советника, которому, если верить словам известного романа, на генеральскую дочь лучше и не засматриваться...

Профессор П. В. Еремеев как-то поманил его пальцем:

– Идите-ка сюда, милейший... Так же нельзя! – сказал он. – Всея России-матушки вам все равно не пробурить, и нельзя забывать о будущем. Я держу вакантную должность адъюнкта по кафедре минералогии, а вы... О чем думаете, милейший?

Склонный к подвижности, очень активный, может, Ауэрбах и не стал бы «возиться» с диссертацией, но сказочный мир турмалинов заманил его в волшебную игру минералов, и диссертацию он защитил, когда ему исполнилось 24 года. Еремеев сказал:

– Очень хорошо, милейший. Но ученый только тогда становится ученым, когда он наблюдает, что делают его коллеги за границей. Вот и езжайте. Я дам вам рекомендации к профессорам Деклазо, Рихтеру и Штрауфу... Сколько вам надобно времени?

– Хотя бы годик, – прикинул Ауэрбах.

На целый год его отправили в Европу, и вскоре «Горный Журнал» стал получать от него научные статьи. Ауэрбах исследовал целестин, Лабрадор и топаз, изобрел гониометр для измерения кристаллов, в Горной академии Фрейберга он слушал лекции, осмотрел в Европе все горные коллекции, которым составил научную опись – для публикации, а потом вернулся на родину.

– Ну-с, милейший, – встретил его Еремеев, – приступайте... Вам светит очень яркая звезда профессуры!

Читать лекции студентам он не любил. Как раз в те годы началась «угольная горячка», искали залежи каменного угля в Подмосковном бассейне, куда хлынули иностранцы и русские. Ауэрбах выезжал на разведку запасов угля, соблазненный гонорарами от лондонского банкирского дома «Томсон и Боннар», но вскоре переметнулся к французам, которые уговорили его оставить профессуру, о чем он известил профессора Еремеева.

– Павел Владимирович, – сказал он, – вы на меня не сердитесь, но стоять на одном месте не могу, я *должен танцевать*.

– Ну, и черт с вами... танцуйте!

Французам он доказал, что качество подмосковных углей ниже тех, что таятся в недрах Донецкого бассейна. В это же время – проездом через Тульские края – Ауэрбах встретился с сестрами Берс, через них познакомился с молодым Львом Толстым, который тогда еще не взирал на мир из-под насупленных бровей, а был молодым и веселым офицером в отставке. У сестер Берс гостила Софья Берггольц (племянница писателя Евгения Маркова), и вся эта компания устроила пикник в вечернем лесу. Ауэрбаху очень понравилась Сонечка: улучив момент, он сказал ей:

– Я еще не знаю вас, но знаю вашу фамилию, ибо моя матушка носила ее же в девичестве. Однако... Что бы мне сделать для вас? Хотите, я подожгу вон тот стог сена?

– Зачем? – удивилась девушка.

– Тогда вы не сразу меня забудете...

В январе 1872 года они уже сыграли свадьбу и отправились на юг – тогда на юг ездили не отдыхать, а работать.

В дороге Ауэрбах говорил жене, посмеиваясь:

– Не взыщи, моя прелесть, но волшебной жизни не посулю: поскучай в Таганроге, а я буду мотаться по холмам Донбасса...

Первые русские рельсы, по которым помчалась Россия, были прокатаны в Юзовке (ныне город Донецк), где англичанин Джон Юз владел и угольными копями. Хотя этот Юз и просил называть его «Иваном Ивановичем», но русский язык он так и не освоил. Ауэрбах в поисках угля, конечно, не раз навещал Юзовку, где колония англичан имела клуб, устраивала конные скачки, евреи обзавелись синагогой и хедерами, а русские, если им не хватало места в бара-

ках, отрывали норы, будто кроты, а из недр земли они посылали всех «подальше». Александр Андреевич в записках своих не забыл отметить, что «у русских англичане заимствовали только одно: нашу брань и питье водки, которая пришлась англичанам по вкусу и которой они так злоупотребляли, что многих из них Юзу пришлось отправить обратно в Англию...»

Наконец, Ауэрбах сыскал два угольных месторождения – коксового близ Юзовки, а второй уголь (с пламенным горением) нашел ближе к Днепру. Но земли, которые он пронзал бурами, были не казенными – частными. Петр Николаевич Горлов, основатель знаменитой «Горловки», где он заложил могучие шахты (носившие потом имена Ленина и Сталина), – вот этот горный инженер, отлично знавший всю область (позже названную Сталинской), однажды предупредил Ауэрбаха, когда они совместно парились в бане:

– Уголь, найденный вами, укрылся от людей на землях братьев Рутченко и господина Шабельского. А эти помещики не дураки, чтобы своих огурцов и помидоров лишаться, лишь бы доставить удовольствие нашей французской компании... Понимаете?

Ауэрбах понимал и, прихватив из Таганрога жену, не раз мотался в Париж, доказывая прижимистым французам, что Рутченко и Шабельский пока еще скромны в своих желаниях, но пройдет время, в этих местах гугукнет паровоз, и тогда...

– ...Тогда огурцы с помидорами будут стоять дороже! У господина же Шабельского еще многотысячное стадо тонкорунных овец, которых на мясо он резать не станет... Где их пасти? Вы, французы, живущие в Париже, желаете сэкономить су, тогда как через год-два вы потеряете тысячи франков...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.